

С.С. Русаков

ДЕЦИЗИОНИЗМ К. ШМИТТА В ПРЕЛОМЛЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Сергей Сергеевич Русаков – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат политических наук, г. Гатчина; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

В статье рассматриваются некоторые аспекты политико-правового учения К. Шмитта, которые не только были актуальны в XX в., но и получили отражение в современных внутривнутриполитических процессах. Автор анализирует ряд понятий, которые в децизионизме получили особое толкование, и подтверждает их примерами из современной правовой практики.

Ключевые слова: К. Шмитт; децизионизм; суверенитет; гарант Конституции; чрезвычайные полномочия; легитимность.

S.S. Rusakov

MODERN VIEW OF C. SCHMITT'S DECISIONISM

Sergei Rusakov – senior lecturer, the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Political Sciences, Gatchina; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

We look at certain aspects of Carl Schmitt's political and legal doctrine that were seen as relevant in XX century and are currently reflected in modern internal political processes. We analyze a range of concepts having a special interpretation in decisionism and offer examples from modern legal practice to support the concepts in question.

Keywords: C. Schmitt; decisionism; sovereignty; guarantor of the Constitution; emergency powers; legitimacy.

Карл Шмитт является известным политическим и правовым философом, создавшим особое учение под названием децизионизм (англ. «decision», т.е. принятие решения). В ходе споров с представителями главенствующей в то время нормативистской школы, т.е. с Г. Кельзеном, Х. Крабе и К. Вольцендорфе, а также в силу хода исторических событий в Германии, направление децизионизма было вытеснено из истории философии права. Наследие немецкого философа, а также его дискуссия с другими правоведом XX в. активно изучали Л. Уинкс [15], С. Полсон [14] Дж. Агамбен [1], но и сейчас многие идеи К. Шмитта, которые по-

лучили популярность в свое время благодаря работам «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Понятие политического» (1927) и др., находят отражение в современной политико-правовой практике.

Децизионизм, представляя собой базовый концепт немецкого мыслителя (по крайней мере, в его раннем и зрелом этапах творчества), базируется на идеях Ж. Бодена, Ж. де Местра, Л. Бональда, Д. Кортеса и предполагает, что политика осуществляется в двух режимах: в нормальном режиме, где обыденный поток жизни может опираться на заранее установленные правовые правила, и в исклю-

чительном режиме, когда наступает кризис, требующий чрезвычайных политических решений. Норма в чрезвычайных ситуациях не работает, и политико-правовое поле становится неупорядоченным, требуя немедленного принятия решения. Суверенность, являясь ядром политической жизни, проявляется именно в условиях кризиса, где важнейшую роль играет не норма права, а абсолютное решение, определяющее судьбу народа и государства. Конституция в данном случае может устанавливать только норму в отношении лица, которому будет позволено воспользоваться экстренными полномочиями [13, с. 10].

В истории разных государств присутствуют примеры, когда глава государства в исключительных ситуациях преодолевал установленный нормой конституции порядок. По словам Джеймса Рэнделла, одного из крупнейших американских правоведов-исследователей периода администрации А. Линкольна, на первом своем этапе Гражданская война была войной «президентской» [3]. С 12 апреля по 4 июля (до сессии конгресса) 1961 г. президент Линкольн единолично определял всю внутреннюю политику, «приостановив (впервые с момента принятия Конституции США) предписания о праве судебной защиты прав граждан (*habeas corpus*), являющееся (согласно разделу 9 ст. I Конституции) привилегией законодательной власти». Кроме того, распорядился казней (направив золото в Западную Вирджинию, где вскоре был создан новый штат), закрыл несколько газет (во имя борьбы с вражеской агентурой) и пр.

Более современным примером будет являться введение войск Д. Эйзенхауэром в Литтл-Рок в 1957 г., где местная полиция не могла справиться с линчевателями, и потребовалось вмешательство федеральных властей. Подобные меры применялись для ликвидации беспорядков не единожды: в Арканзасе в сентябре 1957 г., в Миссисипи в сентябре 1962 г., в Алабаме в июне, затем сентябре 1963 г. и др.

Во внешней политике суверенитет проявляется, в первую очередь, в согласии с концептуальными разработками

К. Шмитта, в решении того, кто является «врагом», а кто – «другом». Высшей точкой политического децизионизма и сутью политической экзистенции является политическое решение о том, кто является врагом, а государство, которое самостоятельно не принимает подобных решений, также не обладает суверенитетом [7]. В этом смысле является возможным подчеркнуть особую устойчивость некоторых государств перед глобализацией, которая в ценностно-смысловом измерении во многом определяется США и странами Запада. В последней своей монографии К. Шмитт подчеркивал, что государство – это «основной носитель межгосударственного пространственного порядка», способный как разрушать, так и выстраивать новый порядок (др.-греч. – «*νομός*») международных отношений, игнорируя ее установившуюся ранее норму [10, с. 241]. В наше время немногие страны, такие как Россия, США и Китай, открыто могут признавать и юридически закреплять приоритет внутреннего национального права над международным.

Центральным и вытекающим из самой доктрины децизионизма понятием является «чрезвычайное положение». Сам К. Шмитт, указывая, что «чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [13, с. 34], определяет его как приостановку действия правового порядка. В современной практике термин «чрезвычайное положение» не является четким, и это можно объяснить как лингвистическими и семантическими сложностями, так и невозможностью перечислить все возможные непредсказуемые ситуации. Очевидно лишь, что любое политико-правовое действие в рамках чрезвычайности будет наделено необходимостью, конкретностью, срочностью и ограниченностью во времени.

В современном мире возникает немало примеров, связанных с чрезвычайными обстоятельствами. Так, пандемия COVID-19 породила целую серию подобных политико-правовых актов: в Италии глава правительства Джузеппе Конте издал акт, который критики назвали периодически-

ми «указами», известными как DPCMs, в Великобритании Борис Джонсон утвердил «Закон о коронавирусе» 2020 г., а Дональд Трамп обратился к «Закону о национальной обороне» 1950 г., и все федеральные штаты впервые в истории США объявили чрезвычайное положение [2].

Как известно, во Франции ст. 16 Конституции позволяет Президенту принимать любые меры по спасению Республики, независимости нации и ее территории. Схожая схема описывается в ст.ст. 56, 88 Основного закона РФ, хотя там четко указываются права и свободы, не подлежащие никакому изменению. Венесуэла в статьях 236 и 337 своей Конституции прибегает к подобным же мерам.

Если же обратиться к американскому опыту, нельзя не упомянуть о том, что в США до 1976 г. Президент мог объявлять чрезвычайное положение по любому поводу, если, по его мнению, существует угроза национальной безопасности. В 1976 г. порядок объявления ЧС был регламентирован законом «National Emergencies Act», ограничивающим длительность чрезвычайного положения, однако Президент может продлевать режим каждые полгода. В случае объявления режима ЧС Конгресс передает Президенту 136 особых полномочий (в том числе приостановку действия всех законов, регулирующих химическое и биологическое оружие, включая запрет на испытания на людях; на разрешение проектов военного строительства; призыв любых отставных офицеров или рядовых береговой охраны; распределение всех ресурсов в стране и т.п.), из которых повлиять может лишь на 12.

Другой теоретической проблемой, поднимаемой К. Шмиттом, является понятие «гарант Конституции», раскрытое им в одноименной работе «Гарант Конституции» (1931) и ставшее кульминацией в спорах с Г. Кельзенем [9]. Гарант Конституции является чрезвычайным и единоличным учреждением, которое работает в ситуации политического кризиса и своим актом обеспечивает, с одной стороны, «единство народной воли», а с другой – диктатуру при демократической легитимности. Диктатура, т.е. возложение на от-

дельную персону чрезвычайных полномочий, необходима для принятия решений в кризисе, поскольку только единоличными решениями может быть быстро и эффективно достигнута поставленная цель: ведение войны, подавления восстания, предотвращение государственного переворота и пр.

Так, исполнительный указ Д. Рузвельта № 9066 от 19 февраля 1942 г. определял, что лица японского происхождения должны переселиться в особые военные зоны, наделяя военного министра полным карт-бланшем на предоставление таким лицам транспорта, продовольствия и жилья. Через месяц Конгресс США принял публичный закон, закрепляющий особый режим, введенный Д. Рузвельтом, а Верховный суд США и вовсе не прокомментировал его до разбирательств в 1944 г. в деле *Коремацу против США* [5].

Суды и парламенты, по мнению Шмитта, не могут выступать гарантами Конституции, поскольку конституционный суд, отменяя решения исполнительной и законодательной власти и не являясь при этом выразителем воли народа, будет выходить за рамки юстиции и политизировать саму судебную систему, а парламент представляет собой «вечный разговор» и в силу своей плюралистической воли не способен к принятию политических решений (здесь видно влияние Д. Кортеса, который определял парламент как «дискутирующий класс, уклоняющийся от окончательного решения» [13, с. 53]).

Нельзя не упомянуть и про особое понимание К. Шмиттом легальности и легитимности. Так, в своей работе он настаивает на том, что в самом распространенном виде политического сообщества – в государстве законодательства – «легитимность парламентской демократии состоит только в ее легальности», поскольку вся политическая воля единого народа усматривается в тех нормах права в вытекающем из них политическом и правовом порядке, которые и создают сами законодатели.

В истории европейского права он выделяет и другие типы политических со-

общества: государства юрисдикции, где судья (судебный орган) способен и обладает политической волей преодолевать решения законодателей; государства администрации, где власти ссылаются на некую непреодолимую ситуацию, которую государство не способно решить силами установленных норм и приводит в действие ряд ответных, на внутренний или внешний вызов, мер; государства правления, где высочайшая личная воля и авторитетное повеление главы государства порождает норму права без активного участия парламента. Верно, что в современных политических системах и конституциях прописана взаимосвязь всех ветвей власти, но К. Шмитт проявляет интерес именно к конфигурации и распределению объема и легальности у всех возможных законодателей.

Во всех государственно-правовых доктринах принято считать, что парламент выражает общую волю, а не волю отдельного лица (например, тирана), а значит, каждый закон не может быть несправедливым актом или злоупотреблением властью, следовательно, полностью легален и легитимен. Парламент создает совокупность законов и тем самым устанавливает порядок, находясь под надзором юстиции – это нормальный порядок работы современных демократий.

Вторым законодателем может являться сам народ, и К. Шмитт неоднократно подтверждает, что ему импонирует идея превосходства прямого всенародного демократического голосования над любым опосредованным его выражением [12, с. 53, 229]. Народ может являться вторым (или чрезвычайным) законодателем, поскольку способен выражать единую волю народа и является максимально легитимным по отношению к парламенту (согласно тезису Руссо, представитель (народа) «должен умолкнуть, когда начинает говорить сам представляемый»), однако не может легально работать на постоянной основе, разрушает институт парламентаризма, превращая его лишь в механический переключатель законодательного процесса на плебисцит и, исходя из вышесказанного, не может создавать постоян-

ное правовое состояние нормы.

Третьим чрезвычайным законодателем является глава государства, который представляет собой уникальную политико-правовую фигуру, объединяющую легальность (при условии наличия полномочий у главы государства) и легитимность (при условии избранием прямым голосованием), способную как преодолевать норму правовой жизни своими указами, так и создавать ее путем регулярной законодательной инициативы. Именно в связи с этим типом законодателя вводятся понятия комиссарской и суверенной диктатуры.

Комиссарская диктатура должна восстановить норму политико-правового поля, т.е. обеспечить безопасность и порядок в государстве путем приостановления действия существующего конституционного порядка до приведения состояния общества и государства в норму. К ее главным чертам относится возможность использовать власть одновременно в законодательной и исполнительной сфере, а также сама скорость осуществления своих политико-правовых актов. Примерами подобных недемократических способов защиты демократии могут служить как Сулла в Римской республике, так и президенты США, вводящие чрезвычайное положение.

Суверенный диктатор, в свою очередь, рассматривает «весь существующий порядок как состояние, которое должно быть устранено его акцией» [11, с. 158] (т.е. его политическим действием). Иными словами, он своей политической волей желает установить такое новое конституционное состояние, которое сам будет рассматривать как истинное. Исторически суверенная диктатура появилась в годы деятельности Национального конвента во время Великой французской революции, а в современном мире может угадываться в приходе к власти Х. Перона в Аргентине в 1946 г. (призыв по радио с последующей победой в выборах) или Ш. де Голль (Конституционный референдум 1958 года).

В качестве заключения можно сказать, что обращение к политико-правовым наработкам К. Шмитта для очерчивания и анализа сложившейся современной поли-

тической ситуации может быть более плодотворным, чем использование парадигм, созданных в рамках либеральной философии [8]. По мнению современного итальянского философа и выпускника юридического факультета Римского университета Д. Агамбена, чрезвычайное положение стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики, используя лозунги безопасности и приведения политического поля в порядок [6]. Кроме того, существует мнение, что русская государственная наука в начале XX века приходила к выводам, во многом аналогичным тем, что проповедует децизионизм [4], поэтому и сейчас, учитывая международную обстановку, роль России в мировой политике и толчок в развитии российской правовой и политической наук, есть смысл вновь обратиться к анализу некоторых идей К. Шмитта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агамбен Д.* *Homo sacer.* Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. *Алферов О.Л., Алферова Е.В.* «Укрощение» пандемии COVID-19: правовые подходы к борьбе с коронавирусом в Италии, США и Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2022. № 1. С. 153–165.
3. *Домрин А.Н.* «Нерушимый союз, созданный из нерушимых штатов». Конституционное право США на страже единства федерации // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 129–142.
4. *Костокрызов П.И.* Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I // Дискурс-Пи. 2021. № 1 (42). С. 62–76.
5. *Латыпова Н.С.* Взгляд на юридическую историю США. Чрезвычайные акты президента // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2020. № 12. С. 151–167.
6. *Павкин Л.М.* Теория чрезвычайного положения: К. Шмитт и Д. Агамбен // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 19–23.
7. *Русакова О.Ф.* Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2. С. 266–269.
8. *Ситников А.В.* Карл Шмитт и модель политического управления // Обозреватель – Observer. 2015. № 3 (302). С. 96–105.
9. *Уханов А.Д.* Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник МГОУ. 2022. № 3. С. 74–87.
10. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
11. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
12. *Шмитт К.* Легальность и легитимность // Четыре главы к учению о суверенитете. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
13. *Шмитт К.* Политическая теология // Четыре главы к учению о суверенитете. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
14. *Paulson S.L.* Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the «Guardian» Controversy of 1931 // Meirehenrich J., Simons O. The Oxford Handbook of Carl Schmitt. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 510–546.
15. *Vinx L.* The Guardian of Constitution. Hans Kelsen and Carl Schmitt on the limits of Constitutional Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 290 p.